

КОНТРАЖУР

Р

ЕМЕСЛОМ своим я дорожу. Хотя, конечно, знала, какую профессию выбирала. Знала, что относиться ко мне будут плохо; в лучшем случае — терпеть, в худшем — ненавидеть и бояться. Велика ли радость быть пугалом? Знала, что, кричи-закричусь, пиши-запишись, будь хоть тысячу раз права, все равно и Белинским вечно станут попрекать, и глядеть свысока, и грехи твои — настоящие и вымышленные — подсчитывать.

Словом, выбор был сознательный, я о нем не жалею, хотя реальность превзошла все мои трезвенькие юношеские предположения. Друг-приятель в душевную минуту так и сказал: хороший, мол, ты человек, но по профессии — сволочь. Хоть обижайся, хоть нет.

Я это все к тому, что, видимо, как ни грустно, немалая часть моих коллег, выбирая в свое время нашу не-престижную профессию, втайне жаждала другой. Престижной. С аплодисментами, премьерами, восторгами публики. Ибо сегодня критики повалили в артисты и в режиссеры, а то и в начальники. Да кабы плохие критики, так и черт с ними. Пошли лучшие. От всей души желаю им удачи на новом поприще, но все равно невесело.

Спросила как-то приятеля и бывшего коллегу, давно ушедшего в чиновники: «Скажи, неужто чистый лист в пишущей машинке тебя не зовет, не волнуется?»

Посмотрел удивленно-иронически: «Нет!»

Он меня не понимает, а я его.

Теперь вот, говорят, другой приятель тоже решил стать «бывшим коллегой». Не просто начал снимать кино, а так и заявил, что с критикой навек покончил. А ведь какое перо, какой ум, какое дарование!

Но чему удивляться, когда кино-критикой и прогнозами сегодня занимается симпатичный астролог женского пола. Несколько косноязычно, зато таинственно. Да и предсказывает в основном приятное. Нынче кинокритик,

не знающий кино, — норма. Сколько уж об этом говорено: пишут все кому не лень. Доступно. Профессия девальвировалась. Тихо отдает Богу душу жанр кинокритики. То ли не пишут, то ли не печатают. Канул в Лету парадный «творческий портрет», а заодно не стало и непарадных. Не ждите, художники, критического осмысления своего творчества; нет на него спроса, нет и предложений.

Актера, ушедшего в режиссуру, понимаю: не задалась профессия. Михалков, как ни крути, единственный.

Режиссера, рванувшего в драматургию в эпоху застоя, понимаю — семью кормить надо не раз в три года, а каждый день.

Критика, покинувшего ряды, умом понимаю, душой — нет. Потому, что люблю свое ремесло, дорожу его честью, ощущаю его важным и необходимым.

Слова о чести я тут не зря сказала. Ибо давно уже замечаю, как не извне, а изнутри профессии родился миф об ее изначальной ущербности. Поскольку предмет первичен, а критика — вторична. Поскольку, что ни делай — уходит в небытие; и заветная

Достоинство ремесла

цель навек недостижима: никогда не будет только большое искусство, только любознательный умный зритель, только хороший вкус. Никогда не поверит режиссер, что снял ерунду, актер — что плохо сыграл, читатель — что любимый им фильм плох, а скучный и непонятный — замечателен.

Так и слышишь отовсюду прокурорские интонации. Да еще и сами коллеги тому помогают. На страницах «ЭС», на этом самом развороте «Впечатления», появился, например, забытый было жанр политического доноса (и, право, не знаю, что хуже — донос в КГБ или донос либералам). Или еще жанр: переписка критика с оппонентом через газету и журнал. Ведущаяся в тоне задиристо-оправдывающемся, но по всей логике сводящаяся к тривиальному: «сам дурак».

Нет чтобы соблюсти достоинство и не снизойти до ответа на выпад. Не оценят? Но в ту самую минуту, как начинаешь взвешивать то, что про тебя подумают, а не то, что думаешь сам, достоинство как раз и теряется. Неси свой крест и веруй — другого нашему брату не дано.

И оттого трудно быть критиком. И оттого разочаровываются в профессии. И оттого ползут в нее недоучки, опуская уровень потолка ниже пола.

Ибо ремесло наше изначально требует определенных жертв. Нас ведь всех не зря Белинским попрекают: он был властитель дум, а мы кто?

А мы уже по одному тому не Белинские, что сегодня властители дум ненужны и неуместны. И это хорошо (только не для нас!), ибо всяк нынче сам владеет своими думами. Минувшие десятилетия исчерпали до дна все лимиты доверчивости (не доверия — доверчивости!). Мнение критика ныне — будь он семи пядей во лбу — вовсе не закон, а оселок, на котором любой может оттачивать собственное мнение. Не точка отсчета, а точка опоры или отталкивания. Критик сегодня — некое локационное устройство, улавливающее движения в общественной или художественной атмосфере. Кто более чутко, кто менее. А кто и вовсе — только имитирует.

Ох нет, не сулит такая деятельность сладких плодов. И потому занятие это — критика — большого требует бескорыстия. Требует непоколебимой уверенности в важности и нужности этого ремесла. И потому особенно обидно, когда уходят лучшие, а приходят худшие.

Ирина ПАВЛОВА.